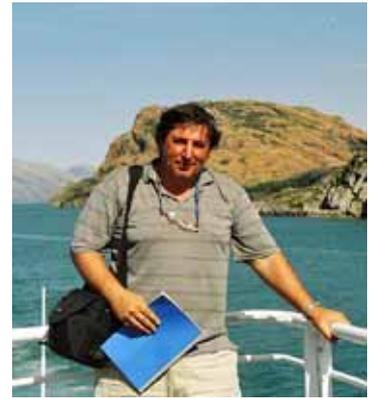
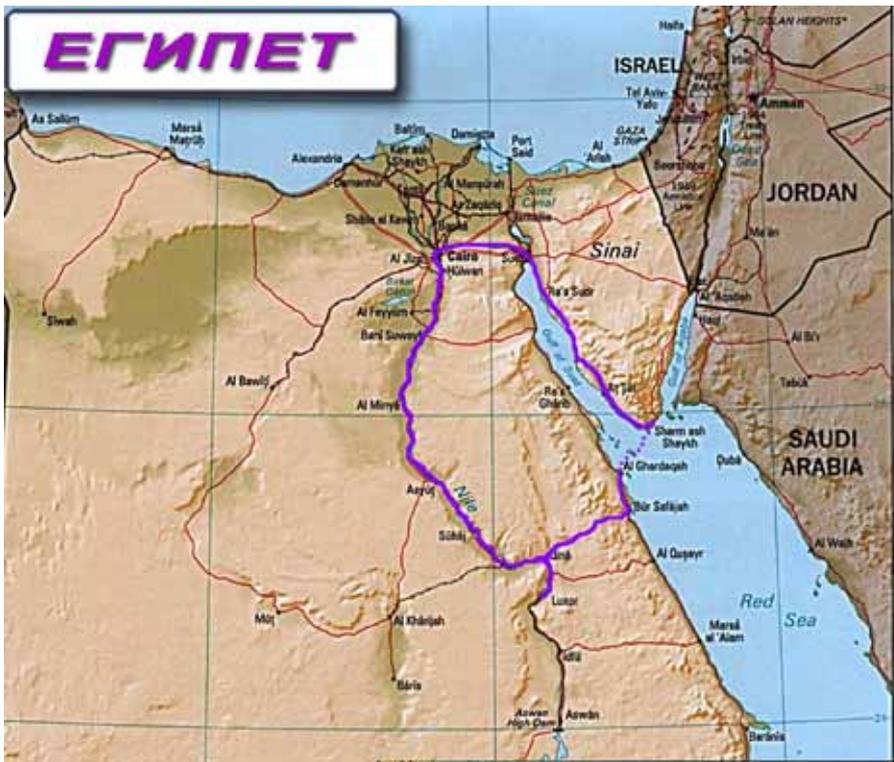


Евгений Плоткин



Египет





ЕГИПЕТ

Приятель сказал: "Поезжайте в Египет, на Синай, там есть место *"Глотка Синая"*, слева от него – скала, под скалой сидит бедуин. Скажите ему, что вы от Миши из Беер Шевы, он вас отведет к шейху Ахмеду, у Ахмеда есть джип, стоит недорого, он вас повозит по окрестностям. Потом езжайте в Набек, через Вади Кид: на берегу ни души, а коралловый стол – ну, метров двести-триста. Если повезет, на стол ночью выползут лобстеры. Дальше, как говорится – не спи, Фомка, пока ярмарка... Да, и езжайте не в полнолуние – в полнолуние лобстеры отдыхают".

Давно это было, десять лет прошло. Синай за эти годы, за многие поездки туда стал вроде волшебной сказки, переезжаешь границу и щелк – все меняется: мир, логика, пейзажи – и, что особенно здорово, все это временно, когда устанешь или испугаешься – возвращаешься обратно. Наверное, так возвращаются с гор – "в суету городов и в потоки машин".

Нам повезло с самого начала: из всех мест на Синае мы выбрали Дахаб, а в Дахабе – небольшой кемпинг под названием "Мина Лэнд". "Мина Лэнд" содержат египетские копты. Коптов в Египте миллионов семь, наверное, и если кто случайно будет гулять, как Айболит, по Египту и потребует помощь – обращайтесь к коптам.

Есть у меня в Иерусалиме приятель - копт Васька (не кот Васька, а копт Васька – то есть Васька-египтянин). Родом он со среднего течения Нила, служит монахом коптского монастыря, что на крыше Храма Гроба Господня. Ваську зовут на самом деле Василевс, но Василий – он и есть Василий, хоть с Поволжья, хоть с Нила. Глаза у него темные, кожа шоколадная, а улыбка лукавая. На аскета он не похож, важничает немного, но на самом деле парень нормальный, хороший парень. Его имя первоначально означало "quasi-rex", то есть "полуцарь" – и в нем действительно гораздо больше от "полу", чем от "царя". Если Васю попросить, он откроет церковь Святого Антония, расскажет о Евангелисте Марке, поговорит "за

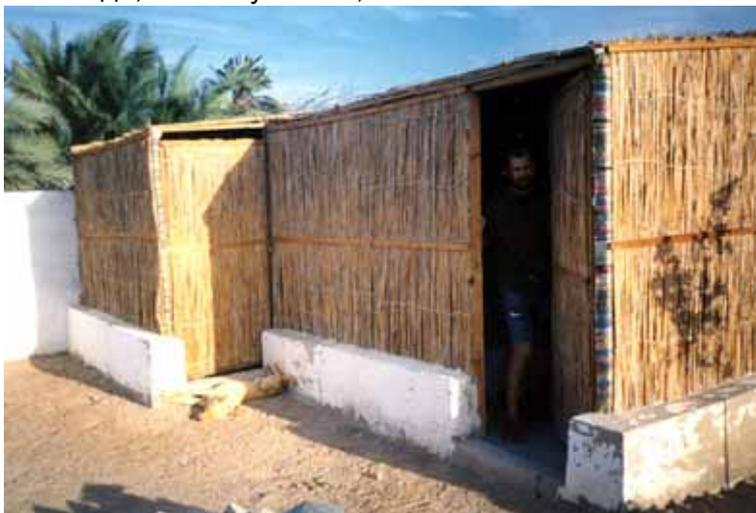


жизнь", поулыбается. Рядом, на той же самой крыше Храма Гроба Господня, находится коптская подземная церковь Святой Елены. Это очень по-нашему: если подземная церковь – то на крыше. В ней удивительная акустика, и если правильно исполнить на 4 голоса партию неизвестного автора "Блин-нннн бли-ннн бли-нн бли-н", то стоит колокольный звон, как на звоннице огромного собора. Гул обволакивает, вибрирует, убегает и снова настигает. В пещерном храме в Гехарде, в Армении,

эхо бежит 12 секунд, здесь не меньше. Помножьте на 4 "блина", да на длительность звука – такое не забывается!

Однажды мы с Джуном Моритой из Японии и Колей Вавиловым из Питера остановились на пути в Синай в Иерусалиме и спели "блинннн" в этой коптской церкви. Колокольная музыка так подействовала на Джуна, что, проезжая вдоль Мертвого моря, он вдруг затянул заунывную песню. Язык и стиль явно были японскими. "Что это, Джун?" "Это детская песенка. Про то, как слоненок спрашивает у мамы: мама, а почему у меня такой длинный хобот? Да потому, говорит мама, что у папы такой же". "Женя, – спросил профессор Вавилов, посмотрев на мой семитский профиль, – правда, японцы – мудрый народ?" "Да", – ответил за меня Джун по-русски. Лицо его было, как всегда, невозмутимым, но глаза смеялись.

...Слева мерцала огнями Иордания, копт Василевс и Иерусалим остались позади, дорога тянулась к Красному морю, к Синаю, в Египет.



Так вот, кемпинг назывался "Мина Лэнд", и ясное дело, что хозяевами были копты. Дело в том, что у коптов (а слово "копт" происходит от греческого "айгюптос", то есть копт – это просто житель Египта, египтянин) имеется 4 основных святых: Марк, Антоний, Павел (не апостол, а простой древний грек египетской национальности) и вот этот самый Мина. Все они были людьми небанальными, но особую популярность в мировой культуре приобрели Марк, благодаря Евангелию, и Антоний – благодаря Дали. А вот Мина с Павлом остались как-то за бортом, став по-настоящему коптским достоянием. Мина, египтянин по происхождению, родом из хорошей семьи да и вообще, хороший, добрый человек, христианин и аскет, служил в римской армии и был за все это, и за идеи, конечно, замучен где-то в III веке. С тех пор начались чудеса, связанные с его именем. То, что мы наткнулись на этот кемпинг, безусловно его заслуга.

Мы попросили комнату на пятерых. Копт взглянул сначала на нас, потом на стену. Там висел портрет какого-то бородатого мужика в черном с золотом балахоне. "Есть такая комната, но в ней всего одна кровать". "Одна кровать на пятерых?" "Да. Но очень большая!"

В таких случаях лучше все же отправить в разведку какую-либо практичную женщину. Рита вернулась с кислым видом. "Ну как?" "Кровать есть, большая, собственно только кровать в комнате и есть, но он забыл сказать, что она каменная! Еще пахнет верблюдами, есть вентилятор, под окном растет анчар". "Анчар?"

Ну да, анчар, содомское яблоко, даже запах его ядовит, но с другой стороны – сортир через дорогу, да и верблюды... может, анчар уже и не так сильно забирает. Все удовольствие – 5 долларов за ночь.



Иногда бывают предложения, от которых нельзя отказаться, да и не нужно. Так начался когда-то наш Синай.

Строго говоря, Синай начинается с перехода границы. Сейчас эта процедура уже не так будоражит воображение, но в памяти сохраняется надолго. Еще перед границей задумчивые израильские пограничные дивчины сличают то, что они видят перед собой, с тем, что нарисовано в паспорте. Обычно эта прелюдия к настоящему удовольствию проходит без особого экстаза, но вот недавно погранични-

ца, заглянув в паспорт Мити Таганцева из Питера неожиданно спросила: "Мистер Стаатен?" Митя плохо спал всю дорогу, мало пил – и потому ответил: "Таганцев я, Дмитрий". Я понял, что девушка приняла Шенгенскую визу, на которой есть фотография и написано по-голландски "Шенген Стаатен" за титул Митинога паспорта. "Мистер Стаатен??" – уже с нажимом повторила девушка. "Да что вы, – сказал Митя, – зовите меня просто "мистер Шенген!.."

Потом идет отъем денег с израильской стороны. Делается это быстро, качественно, один раз и как-то без огонька. Вот египтяне умеют продлить удовольствие до полного катарсиса.

Мы проходили египетскую границу вместе с семьей израильских арабов. Видя, что я уже обалдел от избытка дверей, глава семейства вдруг сказал на иврите: "Отдайте этот клочок бумаги в ту дверь, добавьте к ней 10 фунтов, и все пойдет быстрее". "А что вообще здесь происходит?" "Дурдом, – на чистом русском ответил он, – обычный дурдом". Оказалось, парень учился в Киеве – и видно, что не зря.

В Иерусалиме продаются свечи. Длинные, тонкие, коричневые церковные свечи. Кто-то из наших гостей купил несколько штук для того, чтобы увезти домой, в Россию. А египетский таможенник их нашел. Он достал свечу и понюхал ее. Потом лизнул, потом куснул, сплюнул. Позвал товарища, зажег, снова понюхал, сморщился и сказал: "Наркотики?" Стало как-то не по себе. Таможенник же вдруг рассмеялся и сказал: "Все о-кей, можете ехать". Шутник...



От Эйлата до Дахаба около 140 километров прибрежной дороги. Слева синее Красное море, справа подступает пустыня. Абсолютная чистота и контраст красок не допускает никакой эклектики. Чуть вдали, в дымке, розовеют горы Аравии. Обычно до начала мая с моря дуют сильные пыльные ветры. Бедуины говорят, что в это время не следует заводить детей. Бедуинам видней. Они сутками сидят в позе орла по обочинам дорог и смотрят на море и горы. Интересно, о чем они смотрят... Жарко, но красиво так, что даже пить не хочется. Неужели здесь бродили Моисей и наши далекие предки? Их-то что занесло сюда – свобода? красота? приказ? вера? Впрочем, думать об этом не хочется. Наверное, у предков был врожденный солнечный удар... Горы справа поджимают дорогу к берегу, и настоящей пустыни не видно. Но ее присутствие так зримо, что никаких иллюзий не возникает. Дорога вьется по измученному солнцем вади, и на несколько минут море исчезает. Без воды становится грустно и беспокойно. Но видно, что вода здесь все же бывает – грубая галька и кусты солянки всегда свидетельствуют в ее пользу на суде природы, хотя вердикт, как обычно, от этого не меняется. Сухо, повсюду следы эрозии.

Красные граниты крошатся и текут желтыми песчаными реками. Главное – не особенно задумываться: красное превращается в желтое, почему бы и нет?.. А вот и стендалевские мотивы – какие-то черно-зеленые интрузии. При чем здесь Стендаль?.. Вот дорога, горы, ветер, нет ни души, надо отключиться и смотреть. Но отключаться – трудная наука. Ну, ничего – Дахаб помогает.

В Дахабе мы познакомились с Ашрафом. Мы искали экскурсий, бродили по турагентствам и наткнулись на него. Ашраф шел, как летел, и пятки бежали впереди него. Он был материковый египтянин после Каирского университета, со знанием английского, иврита, природы и страстным желанием выбиться в люди. А кроме того, он был отличным парнем, таким и остался, только пятки у него встали на обычное место. С годами к ним прибавились жена-швейцарка, чудный сын и солидный бизнес. Ашфар и показал нам "Голубую лагуну". Рядом с Дахабом все – голубое: "Голубой каньон", "Голубая дыра", "Голубая лагуна". Но, вопреки традициям и путеводителям, "Голубая лагуна" – это самое-самое.

В самой лагуне нет кораллов. Дно там чистое, песчаное и глубокое. Когда-то там купали лошадей и ловили рыбу, а сейчас в изобилии плавают парашайтеры, виндсерферы и прочая нечисть. Перед лагуной среди песка находится озерцо совершенно немислимого бирюзового цвета. Наверное, известь виновата, но в Дахабе надо научиться называть чудо – чудом, даже если все дело в извести. Сбоку от лагуны в море уходит длинная коралловая коса, похожая на подводные сады Семирамиды. Кораллы буйных цветов растут отдельными коло-



нониями посреди чистейшего песка на глубине по пояс. Вода прозрачна, и можно часами прогуливаться, наблюдая, как протекает жизнь в этом мире. Особенно красиво, когда с моря дует небольшой бриз, а солнце стоит высоко. Пригнувшись и изменяя угол, видишь серо-желто-красные кораллы, снующих рыб, ленивых голотурий. Но если смотреть прямо вниз с высоты роста, а глаз фокусировать точно на поверхности воды, то видишь золотистую парчу, которая переливается и мерцает сиреневыми лучами. Мгновение штиля превращает материю в увеличительное стекло, приоткрывающее то, что стоит за безумной игрой красок на

поверхности. Налетает бриз – и снова круги и рябь опускают занавес, скрывающий великолепие подводной жизни. За коралловой косой начинается классический коралловый стол, обрывающийся на глубину. Метрах в 50 от него есть два подводных острова, которые облюбовали барракуды и аквалангисты. Как правило, видеть скользящие под тобой черные тени почему-то неприятно, но во время одного из моих ныряний разыгралось удивительное представление. Солнце стояло где-то на 60-70 градусах над горами, и из-за это-



го лучи были более косыми, чем им положено. Край кораллового стола уходил в бездну, оттуда шло плавное голубое свечение. Внезапно светящиеся шары стали подниматься к поверхности. Солнце играло на каждом из них тысячей опалов-арлекинов, свет скользил по поверхности и проникал внутрь. Ошалелый косяк пелагических рыб устремился вслед за фонтаном из шаров, добавив серебра во всю эту фантазмагорию. Пузыри воздуха все прибывали и прибывали, как будто внизу открывали тысячи бутылок шампанского. Пьянило. Вдруг шквал переливающихся шаров смешался с косяком фиолетовых медуз, солнце подняло этот коктейль и немыслимые сочетания голубых тонов ударились о край рифа. Что это было? Очнувшись, я разглядел на глубине выводок неумелых аквалангистов. Вероятно, они стравливали лишний воздух...



Солнце играло на каждом из них тысячей опалов-арлекинов, свет скользил по поверхности и проникал внутрь. Ошалелый косяк пелагических рыб устремился вслед за фонтаном из шаров, добавив серебра во всю эту фантазмагорию. Пузыри воздуха все прибывали и прибывали, как будто внизу открывали тысячи бутылок шампанского. Пьянило. Вдруг шквал переливающихся шаров смешался с косяком фиолетовых медуз, солнце подняло этот коктейль и немыслимые сочетания голубых тонов ударились о край рифа. Что это было? Очнувшись, я разглядел на глубине выводок неумелых аквалангистов. Вероятно, они стравливали лишний воздух...

Вероятно, они стравливали лишний воздух...

Чем дальше на юг, тем интереснее становится синайская подводная природа. Коралловый риф меняется на самых небольших расстояниях с удивительной быстротой. Двести метров, и все новое – виды кораллов, рыбы, свет. Как все-таки локальна природа моря! В это невозможно поверить, кажется – волны, вода, все течет, нет границ, нет оврагов, нет гор, людей – все должно быть одинаковым. Ничего подобного. Риф меняется быстрее, чем среднерусский лес. Выброшенная ручьями галька почти не мигрирует вдоль пляжа. Поэтому – ничего повторяющегося, море не терпит однообразия.



Самый красивый доступный кусок синайского рифа расположен от заповедника Набек до мыса Рас Насрани перед Шарм-Аль-Шейхом. "Рас Насрани" означает "христианский мыс", а поскольку христиан там немного, то и ныряльщиков – тоже. Еще лет десять назад людей на Рас Насрани практически не было, только иногда погранцы да бедуины. Берег совершенно дикий, нырять немного страшно – мало ли кого в этом море встретишь!

Собственно, до края кораллового рифа там далеко – метров 300 мелководья, где по колено, а где и по пояс. Вот так Моисей и переходил Красное море, по мелководью. Как-то раз нам объяснили, что во время пасхального седера полагается иметь на столе разную каноническую снедь. Например, горькую зелень в память о годах рабства в Египте и соленые яйца... в память о глубине моря во время исхода.



Мелководный коралловый стол – совершенно необычная форма жизни. Днем на нем греются желтые песчаные муренки, звезды офиуры выпускают темные тонкие щупальца, раки отшельники сидят в укрытиях, разочарованные этим

несовершенным миром. Но с приближением сумерек все меняется. Еще, кажется, солнце высоко, еще теплый воздух дрожит над берегом желтоватым маревом, но уже появляются похожие на балерин рыбы-лисицы, а по бочажкам раздуваются колючие рыбы-шары. Скоро над морем, над аравийскими горами, над островом Тиран, над Акабским заливом взойдет луна. Видно, стол живет не как мы, по солнцу, а по Новелле Матвеевой:



*Ой вы, приливы, ой вы, отливы,
Этой луне в вышине подчинены вы,
И как бы ни были вы нетерпеливы,
Вами, приливы, вами, отливы,
Правит луна...*



Луна встает в полную силу и освещает первозданную природу. Чувствуется, как прибывает вода, как морские гады приближаются к берегу, как оживают синдбадовские сказки. Уезжать в такое время не хочется, а хочется костра до утра, и чтобы никого... Жаль, сейчас это вряд ли возможно – и в первозданной природе водятся пограничники.

В Набеке, на краю кораллового стола лежит затонувший корабль "Мария Шредер". Он весь покрыт роскошной ржавчиной, которая неотделима от своего отражения в сине-зеленом прибое. На вершинах мачт сидят орлы-рыбодеды и смотрят на тебя, как солдат на вошь. Неприятно смотрят, недобро. Вот здесь как раз самое лучшее ныряние. Почему-то в этом месте всегда охватывает чувство непредсказуемости увиденного под водой, смешанное с мнящим страхом. Может быть, дело в расположенных в нескольких сотнях метров мангровых рощах, где мутная вода прячет ядовитых скатов-хвостоклов? Или срывает инграмма на первое посещение этого места?..

Мы приехали тогда с Ашрафом. Сильный прибой бил о далекий край рифа. Было ясно, что ныряние около корабля обернется ссадинами и порезами, поэтому пошли вдоль берега, любуясь раковинами, камнями и звездами. Солнце было в самом зените, когда мы увидели ЭТО.

Длинное, около двух метров длиной, мертвое желеобразное существо лежало на мокром песке. Посередине была видна ось, от которой радиально расходились розовые полосы, состоящие из отдельных клеточек. Животное больше всего напоминало водного Олгоя-Хорхоя из ранних Ефремовских рассказов. Клетки были явно стрекательными, и если не Олгой-Хорхой, то уж Конан-Дойлевская "Львиная грива" сразу всплывала в





воображении. Похоже, они когда-то еще и светились. Головы у этой помеси медузы с червяком не было. Раз головы нет, значит она вся – сплошной желудок, мрачно подсказал внутренний голос. "Что это?" – спросил я у Ашрафа. Обычно Ашраф знал все, а если не знал, то выдумывал быстро и

правдоподобно. На этот раз он покачал головой и честно сказал, что видит такое в первый и, надеется, в последний раз...

В один из приездов мы отправились из Синая в материковый Египет. В принципе это несложно. Садись вечером на автобус в Шарм-Аль-Шейхе, ночной туннель под Суэцем – и часам к 5 утра уже в Каире. Каир, говоря языком книжных штампов – город контрастов. Наверное, это и хорошо, так как, например, какой-нибудь Осташков городом контрастов не назовешь – он весь драный и заплыванный, от ушей до кончика хвоста, а вот в Каире чувствуется скрытая восточная роскошь и показная восточная же бедность. Все-таки бедноты больше, и по выходе из автобуса всех, на ком лежит печать заваливавшихся в кармане трех копеек, атакуют орды желающих помочь, подвезти, рассказать, накормить – за небольшой бакшиш, конечно. Это напрягает и утомляет, так как незнание местных реалий вызывает законное чувство беспомощности. Как правило, чувство это не обманывает, но нужно быть если не стойким, то немножко фаталистом: в ночной рубашке или без... а удовольствие свое все равно получите.

Было теплое, ласковое, туманное утро, предвещавшее жуткое пекло днем. Начинало светать. До встречи с Гизой, со сфинксом, с пирамидами, с живыми картинами из детских книжек – рукой подать.

В Гизу можно проехать на трамвае. Это буднично, но очень утонченно: садись в трамвай, платишь египтянину лиру – и трамвай стучит по Каиру, как по Васильевскому. Можно немного отключиться и пофантазировать. Вот рядом сидит Тенесси Уильямс. У него на коленях "Ундервуд", он печатает "Трамвай "Желание"-2". Дзынь! – Тенесси выходит и медленно тает в тумане, окруженный египтянами. Все просят у него автограф и бакшиш...

Наконец нужная остановка, на которой нас уже ждут. Ну, ждут не совсем нас, но выходим-то мы – и тут выясняется, что нас-то и ждали. Великое искусство путешественника по Египту – отдаться аборигену в нужный момент. Как правило, чем ближе этот момент к цели поездки, тем будет все дешевле и качественнее. Тот, кто нас встретил, сразу сказал по-английски: мой друг поведет вас к пирамидам через древнее кладбище. В Каире все – друзья, это такой мир друзей, связанных товарно-денежными отношениями. Один друг вас отведет до кладбища, второй переправит через забор, ну а третий уже будет окучивать у пирамид. Впрочем, восточное обращение "my friend" все же спокойнее румынского "мой коллега".



Нас действительно повели через древнеегипетское кладбище, через дырку в заборе, через репейник и каменистые холмы. Неожиданно “чичероне” – кажется, его звали Исмаил – остановился. Подождав остальных, он сказал свою любимую фразу “easy, easy”... Знающие английский египтяне предпочитают эти “easy, easy” всем другим словам. На Синае Ашраф, выгуливая на край рифа не умеющих толком плавать туристов, поддерживал их за то, что ближе лежало, и периодически говорил: “easy, easy”. Наверное, примерно так Дубровский говорил Маше: не бойся, Маша, easy, easy...



Мы шли к Исмаилу, а туман, как дворняга, плелся за нами. Исчезал он странно и неохотно. Верхние слои тумана начинали клубиться, переплетаться, а потом с легким сожалением таять в нагреваемом воздухе. Нижние же слои, напротив, становились все плотнее и ядренее. Солнце материализовалось рассеянными и неопределенными лучами. Туман сдвинулся вниз еще немного, и неожиданно над ним проявились верхушки трех великих пирамид Гизы. Отделенные от туловища, они парили

неясными силуэтами над долиной, наслаждаясь минутой свободы. Это было прекрасно и очень подлинно. Потом возникли три маленькие женские пирамидки фараоновых жен, и Исмаил повел нас на одну из них. Говорят, египтяне знали уже принцип золотого сечения и строили пирамиды в соответствии с ним. Именно поэтому человек воспринимает пирамиды как нечто совершенное и непоколебимое. Не знаю, у меня подъем на пирамиды, даже на женские, вырубает все исторические и вообще все ассоциации быстро и эффективно. Какое там золотое сечение – хоть не кесарево, и то хорошо!.. Солнце вставало уже не на шутку, и по мере его подъема каменные блоки становились все выше и надоедливее. Исмаил показал какой-то лаз, и мы полезли внутрь пирамиды. Внутри было пыльно, пусто и как-то очень тоскливо. Настолько тоскливо, что захотелось обратно, в этот солнечный кошмар. Никаких мыслей о древнем Египте, никаких картин не возникало. Стало ясно, что самое лучшее – три плывущие по воздуху пирамиды – уже позади.

Я не представляю, как можно смотреть Гизу днем. Толпы туристов облепляют Хеопса-Хефрена что мухи патоку, между ними снуют потомки фараонов и продают воду, как продают золото. Утомленный сфинкс абсолютно индифферентен. Его загадки давно загаданы, а разгадки давно разгаданы. “Кто ходит утром на четырех ногах, днем на двух, а вечером на трех?” Тоже мне, любитель шарад перед процессом пищеварения. Беда не в том, что на каждого сфинкса найдется свой Эдип, а в том, что Эдипов гораздо больше, чем сфинксов. Сфинкс полуспит-полусматривает на суевающийся вокруг народ. Ауры никакой, ноль.

Может быть, если проникнуть сюда с раннего утра, когда висит тот загадочный туман и нет ни души, вот тогда... Поговорили бы со сфинксом, выпили бы за Эдипа, за Софокла, за мир во всем мире, за “сбычу мечт”, помолчали бы в ту-



мане. А так, в толпе да в жаре – это все равно что Джоконду смотреть поверх голов да сквозь стекло, или вместо ветчины индюшку есть. Некоторым, кстати, нравится...



На обратном пути из Гизы следует взять местную маршрутку в Каир. Ну, просто для того, чтобы почувствовать, что такое коррида по-египетски. Это когда бык на четырех колесах и с клаксоном, а зрители не на арене, а внутри быка. Вот где подлинная страсть и разгул адреналина. После флегматичных пирамид и сфинксов пять-десять минут на маршрутке для бодрости никогда не помешают.

Весь день мы гуляли по Каиру. Бродили вокруг громадных мечетей, вокруг церквей неведомых конфессий, смотрели на суету площадей и на флегму тихих улочек. Подошли к медресе, на нем написано "Омар ибн Хоттаб Медресе". Сразу повеяло родным – старик Хоттабыч, Волька ибн Алеша, Сталин, пионеры.

Христианских церквей в Каире огромное множество. Копты, марониты, монофизиты такие, монофизиты этикие, монофелиты (именно "фелиты", а не "филиты" – не "однолюбы", а "одновольцы") – чего там только нет. Страшно интересно, поскольку непривычно и уходит корнями в раннехристианскую

историю, в первые вселенские соборы. Но с другой стороны, суть всех этих разногласий вызывает кислый вкус во рту и изжогу в душе.

К вечеру мы добрались до базара, до Хан-эль-Халили. Вот уж действительно место, где стоит побывать и осознать Восток во всей красе. Бесконечные парфюмерные ряды соседствуют с фейерверком ювелирных лавок. Всего здесь много, очень много, слишком много. Впрочем, на Востоке слишком много не бывает. Но мы-то живем на западе – в Израиле, ну, в Питере, в крайнем случае. Надо сматываться, так как устали, да и поезд на Луксор уже близок. Напоследок решили купить ремень для брюк. Это была большая ошибка, так как продавцы устроили темпераментное шоу с мордобоем за право продать этот самый ремень. Победитель получил приз в 5 долларов, мы получили ремень, через месяц он развалился. Хорошо, мы не купили там брюк...

От Каира до Луксора – ночь в поезде, и снова раннее утро, туман, прохлада, Нил справа, Карнак и Луксор слева, Фивы и Долина царей угадываются за Нилом. Как всегда, поезд встречают таксисты на старых Пежо времен египетско-французской дружбы. Подошел таксист, полный, располагающий, в национальной серой рубашке и сказал: "35 долларов, и я ваш от рассвета до заката". Так как рассвет уже наступил, то сошлись на тридцатке.

Прошло уже много лет с той поездки, много дорог пройдено, но Луксор стоит особняком в любом ряду впечатлений. Самое острое чувство из увиденного – ничего-то мы на самом деле не понимаем! Не понимаем, какие законы управляли цивилизацией, не чувствуем психологии тех людей, не ощущаем их мыслей, их сил, их эстетики. Ничего. То есть можно что-то думать по этому поводу, что-то даже знать, и даже думать, что знаешь, но стоит побывать в Луксоре-Карнаке и в окрестностях, как все иллюзии отступают перед мощью увиденного.

Как все-таки быстро и безвозвратно исчезают цивилизации. Вот восточный берег Нила, берег карнакских и луксорских храмов, берег солнца, берег живых. Когда-то храмы были соединены каналом с тысячей непрременных сфинксов по бокам. Фараон переплывал из одного храма в другой, олицетворяя божественную руку, распростертую над Египтом. Так про-





должалось более полутора тысяч лет, от ранних фараонов до эллинизации страны. Теперь отсчитаем полторы тысячи лет назад, находясь, скажем, в Москве. Ну, и где мы? V век, Москвы нет еще и в помине, христианство фонтанирует в Малой Азии, но еще в пленках, первый русский князь еще не родился, а царей от Ивана Третьего до Иосифа Виссарионовича с Леонидом Ильичем нет еще и в проекте. Вся наша цивилизация, вся культура возникла за это время. А теперь представим, что все это

исчезло за сотню-другую, ну третью, лет, как исчез фараонов Египет. Представим, что некто ходит около развалин Кремля и говорит: "Надо же, как строили когда-то, талантливые были люди, хотя и странные, чему поклонялись?.." Всюду, где есть монументализм могучих ушедших цивилизаций, возникает такое ощущение. Всюду оно: около эллинских храмов, римских амфитеатров, малоазиатских некрополей, буддистских статуй, всюду, где есть циклопизм и монолитность. Но нигде оно не схватывает так остро, как в Фивах.

Ничего-то мы не понимаем. Сколько жило здесь людей, какой был климат, как спасались от жары, от комаров, как хранили продукты, как учились читать-писать, как передавались новости, и главное – что ими двигало. Благодаря Шампольону, благодаря раскопкам можно составить некую формальную модель цивилизации, древнеегипетской в частности. Более того, находясь на отдалении от места, от осязаемых остатков культуры, можно заставить такую модель работать, поскольку она логически непротиворечива и основывается на уме, таланте, знаниях и усилиях многих людей. Но местность все меняет и переводит знание в чувственную сферу, где не то что древнего египтянина – соседа не понять. Так было в Карнаке, Луксоре, Фивах. Так было и в Ниловой Пустыни, что на Селигере, и около гробницы пророка Самуила в Иерусалиме, и у храма Артемиды в Эфесе. Кто строил все это великолепии, зачем? Ведь тем, кто сейчас здесь живет, такое не по силам, да и не надо, да и мало их. А что – раньше больше было? Или времени было больше? Или люди лучше? Или цели другие?

На левом, западном, берегу Нила расположена Долина Царей, город мертвых. Здесь же посвистывают уже три с половиной тысячи лет Колоссы Мемнона, здесь храм царицы Хатшепсут, здесь найдены знаменитые гробницы Тутмоса, Сети, неразграбленная – Тутанхамона. Здесь, наконец, стоит грандиозный Рамасеум. Народу, в общем, немного, внешне все спокойно – камни, рельефы, фрески, жара. Но эмоциональное напряжение невероятное. Тысячи рельефов, переполненных иероглифами. Их можно прочесть и понять, они великолепно сохранились. Фараон Нижнего и Верхнего Египта – ну как же, это было почти вчера. Символы Осириса, Тота, Мут, менее узнаваемых богов – повсюду. На солнце желто-зеленая краска фресок слегка пообсыпалась, но в гробницах видна еще хорошо. А черным базальтам статуй Рамсеса что три с половиной тысячи лет, что три с половиной дня – все едино. Как там у Шекспира-Пастернака-Айтматова было: "И дольше века длится день"... Тропинки вокруг Рамасеума полны черных трудолюбивых скарабеев.



Катить перед собой шарик из навоза – разве это не символ времени??? Положительно, египтяне кое-что понимали из того, что сейчас считается последним писком андеграунда. Скарабеи из алебастра, гранита, базальта, поддельного лазурита переполняют туристические лавки. Хочется побродить по каменистой пустыне, поискать все эти граниты, алебастры, базальты, почувствовать природу высокого левого берега, увидеть Нил, и фелюки на нем, и несколько аистов над тополями.



Вечером мы уехали на такси из Луксора в Хургаду. Таксист знал, что везет пятерых русских, и отчаянно гнал через пустыню. Даже усталость от жары и переизбытка впечатлений не могла притупить напряжения от египетского стиля вождения. Когда на пустынной дороге встречаются две едущие в противоположном направлении машины, они начинают метров за 300-400 особую световую азбуку Морзе, которая традиционно заканчивается обоюдным дальним светом в лоб. Я проверял – специальных перепонок на глазах у египетских водителей нет, видимо все дело в многолетней тренировке и покровительстве местных богов. Наш водитель ехал исключительно по встречной полосе почти всю дорогу. Я его спросил: а зачем? В чем, собственно, цимес такой езды? Он посмотрел на меня, как на слабоумного, и объяснил: в Египте очень много машин без заднего света и не так много без переднего. А я думал, он лихачит, оказалось же – нас бережет. Но все же, чтобы быть спокойнее, я решил не спать и затеял с водителем игру

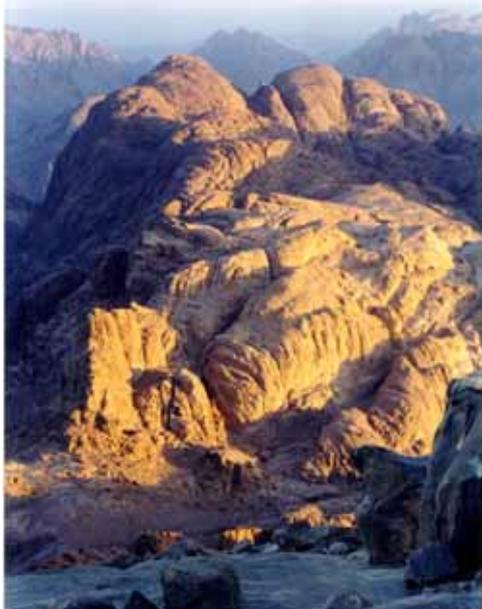
под названием "научись считать по-арабски от 1 до 20 за 5 часов езды". Водителю тоже было скучно, и мы отлично провели время. Он учил меня арабскому счету, я запоминал, повторял, он радовался сообразительности и способностям этих русских. Я так и не сказал ему, что между моим рудиментарным ивритом и арабским очень много общего. Где-то в 3 часа ночи посередине пустыни нас остановили военные. Обычное дело в Египте, но как-то неприятно. Шофер сказал офицеру на доступном моему ивриту арабском: "У меня в машине пятеро русских, и я смертельно хочу спать". Поехали дальше, но я стал изучать арабский счет с удвоенным прилежанием.

Утром мы были в Хургаде, курорт тогда еще только набирал силу, но задатки гадюшника были видны невооруженным глазом. До древнейших коптских монастырей Святого Павла и Святой Береники добраться мы уже не успевали, поэтому купили билеты на болгарский корабль на подводных крыльях и сопровождаемые, как Ио, дельфинами, через несколько часов были уже на Синае, в Шарм-Аль-Шейхе, у нашей машины.

В отличие от материкового Египта, на Синае легко побывать в настоящей пустыне, походить по дюнам и каменным останцам, подняться на гору Моисея, посмотреть раннехристианский монастырь Санта Катарина. Я уверен, что и в материковом Египте возможно нечто подобное, просто оно требует совсем других усилий.



Говорят, что каждому, кто поднимется на гору Моисея и встретит там восход солнца, отпускаются все его грехи. Поэтому такую процедуру предлагается делать хотя бы раз в десять лет, в оздоровительных целях. Я был там уже дважды и чувствую, что снова пора...



Санта Катарина расположена в центре Синая. Туда совсем легко доехать на своей машине. Собственно, это последнее место, куда пускают без египетской визы, лишь по синайскому въездному штампу в паспорте. По дороге стоят многочисленные военные кордоны, проверяют документы. Если улыбаться широко и не болтать лишнего, то эти проверки не обременяют. Но напрягают несомненно, как и любое назойливое секьюрити. Митя Таганцев, приезжая по приглашению в наш тель-авивский университет Бар Илан, долго учил, куда именно он приезжает. В аэропорту Бен Гурион израильская девчонка из секьюрити спросила его: "К кому вы едете?" Спросила без всякой задней мысли, ну просто положено спрашивать – вот она и спросила. Помните, как в известном анекдоте: сидели два таракана, один интеллигент, а второй просто спросил. Профессор Таганцев повернулся к девушке своим красивым, невинным лицом и сказал: "I go to Bin Laden", то есть приехал я к Бин Ладену... Ну, действительно, Бар Илан, Бин Ладен – это даже ближе, чем Маркс и Энгельс, чем партия и Ленин. Мы говорим партия – подразумеваем Ленин, говорим Бин Ладен – подразумеваем Бар Илан. Девушка из секьюрити обладала хорошей выучкой и крепкими нервами. Поэтому она не стала хвататься за наган, не вызвала старшего, она просто спросила еще раз: "Куда-куда?!" Таганцев понял, что он сказал что-то не то, но очень похожее на то, что должен был сказать. Могучий профессорский ум сработал, и он крикнул прошедшему секьюрити Володе Иваненко: "Володя, куда мы приехали?" "Бар Илан, – подсказал Володя, – Бар Илан!" Митя с облегчением улыбнулся улыбкой мытого после поноса младенца: "Бар Илан, Бар Илан, Бар Илан", – сказал он так, как говорят люди, вышедшие на свободу с чистой совестью. Девчушка из секьюрити и бровью не повела. "О-кей, – сказала она, – проходите".

Но неизвестно, как отреагируют на подобные лингвистические каламбуры египетские военные с плохим знанием английского и "калашниковыми" в руках. Так что лучше все же с ними особенно не говорить, а просто улыбаться и показывать бумаги.

Подниматься на гору Моисея надо ночью, днем слишком жарко и трудно. Перепад высот от монастыря до вершины метров 700 по вертикали, весь путь – около 14 километров. Сейчас к вершине ведут табуны паломников, на самой вершине как на толкучке, но когда-то все это было настоящим приключением.



У основания горы Моисея расположен греческий монастырь Санта Катарина, основанный где-то в веке шестом или около того. В монастыре совершенно потрясающие иконы. Или в каком-то смысле иконы. Ведь иконографический канон выработался только в ранние средние века, став тем, чем он есть – каноном. Никому не придет в голову назвать картины Риберы, Эль Греко или, например, Нестерова иконами, хотя они безусловно теологического содержания. Иконы Санта Катарины сразу же оживили давнее впечатление от фаюмских

У основания горы Моисея расположен греческий монастырь Санта Катарина, основанный где-то в веке шестом или около того. В монастыре совершенно потрясающие иконы. Или в каком-то смысле иконы. Ведь иконографический канон выработался только в ранние средние века, став тем, чем он есть – каноном. Никому не придет в голову назвать картины Риберы, Эль Греко или, например, Нестерова иконами, хотя они безусловно теологического содержания. Иконы Санта Катарины сразу же оживили давнее впечатление от фаюмских

портретов. Уже много позднее я узнал, что византийская икона унаследовала от фаюмского портрета огромные глаза, печать отрешенности на лицах, золотой фон, телесную теплоту.



Мы поднимались на вершину десять лет назад вдвоем с Ритой. Было полнолуние, и тропа змеилась вдоль склонов, освещенных серебристым светом. Идти на гору вообще трудно, но на горе Моисея есть настоящая напасть – бедуины и верблюды. Первые назойливые и нахальные, вторые – пахнут. Вся тропа за исключением последнего участка пропахла верблюдами. На последний участок верблюдам не подняться, туда идут только ослы, паломники, туристы и бедуины по делам или за деньги. Где-то через час подъема нас настиг первый бедуин с верблюдом. Идут бедуины в гору играючи, и этим вызывают лютую зависть и тоску по юности. "Возьми верблюда, – сказал бедуин, – недорого". "Не возьму, – сказал я, – спасибо, не надо". "Возьми! Путь далекий, ты толстый, ты устанешь". "Не возьму, – сказал я, достал валокордин, выпил каплю сорок и снова сказал, – не возьму!" Бедуин отстал метров на десять, припарковал верблюда, подождал пока я отдышусь, пока подействует валокордин, и пошел следом за нами.

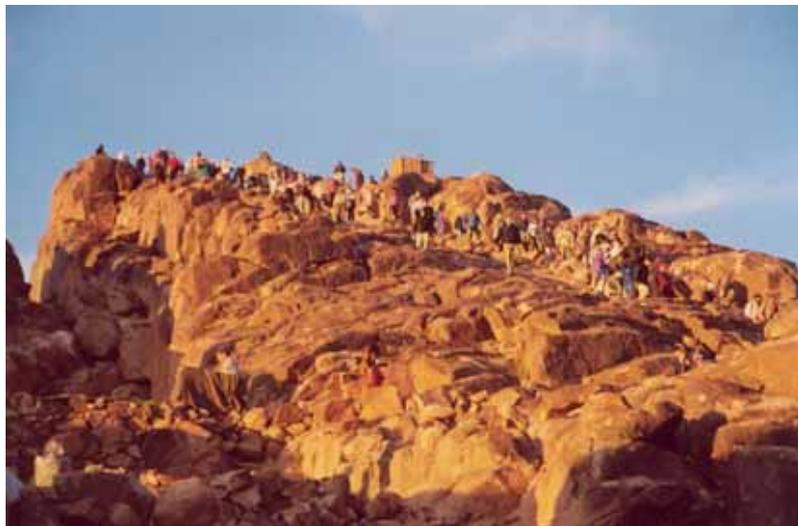
Цок-цок, цок-цок – крайне неприятное чувство, когда ты идешь, а кто-то идет за тобой и ждет, когда ты сдашься или очуришься. Было такое чувство, что у меня сзади на рюкзаке удочка, а к ней привязана светящаяся бумажка в десять долларов. Как наживка. На самом деле в рюкзаках у нас с Риткой было по бутылке из-под кока-колы, а в бутылках – мускат, провезенный контрабандой через пограничников: спиртного в те годы в Египте не было, а как же на вершине без муската встречать рассвет и замаливать грехи наши!..

Цок-цок, цок-цок – и так полчаса, до следующего привала и валокордина.

"Возьми верблюда, до вершины далеко, тебе не дойти!" И откуда у бедуина такой осмысленный английский? "Не возьму! Посмотри на меня. Я большой, я толстый, я сяду на твоего верблюда, он сдохнет, ты останешься без работы". "Нет, это сильный и молодой верблюд, он тебя выдержит, возьми верблюда!" "Не буду я его брать, меня жена домой после твоего верблюда не пустит". "Возьми верблюда, это большой и сильный верблюд" – цок-цок.

Какая там красота пути, какие там мысли о Моисее, о скрижалях, о фантастичности всего происходящего, когда сзади – цок-цок, и ждет, сволочь, пока ты сдашься. Заплатить бы ему, чтобы отстал, как платят в ресторане, чтобы не играл оркестр, когда просто хочется поговорить. Но тут появилась впереди группа туристов, дошедших до нужной кондиции. Бедуин резко ускорился, и уже через несколько минут большой и сильный верблюд вез израильянина средней упитанности. Как я ему был благодарен! Сейчас поголовье туристов сильно превосходит поголовье верблюдов, но тропа все равно пованивает, и то и дело – цок-цок, цок-цок...

И вот мы на вершине. Народу умеренно, зрелище напоминает птичий базар – все облепили камни и смотрят на восток, на темные еще пока горы. Довольно холодно, все-таки высота более 2200. Какие-то добрые самаритяне раздают одеяла, и мы с Ритой пьем мускат. Мы сделали это! Где-то здесь действие и происходило: гром, молнии, скрижали, получение Закона. Или не здесь. Скажем, там, напротив, на горе Санта Катарина, она и повыше на 400 метров. Или вообще сбо-



ку. Как в шутке про наперсточника Иванова: "В этой могиле лежит наперсточник Иванов. Или здесь. Или там..." Но хочется верить, что именно тут все и было, поскольку верить во что-то вообще хочется.

Скрижалей было два комплекта. Оба были сделаны из сапфира, но на первых писал Бог. Моисей в сердцах разбил их, увидев золотого тельца и прочее непотребство. Вообще говоря, мог бы и поберечь, так как буквы на них были пробиты насквозь и держались Божьим словом. Покончив с ересью, Моисей снова поднялся на гору. Здоровый был мужчина,



особенно учитывая, что лет ему было уже 80. Там он получил новую болванку из сапфира, но уже чистую, без следов употребления. На ней он и записал под диктовку новые скрижали. Твердость сапфира – восьмерка по шкале Мооса, писать на нем можно только корундом или алмазом – видно, у него с собой было. История эта загадочна, так как нигде поблизости сапфиров нет. Где они его брали? А тем не менее, еще в Ноевом Ковчеге висел камень-сапфир, освещавший все вокруг. Откуда такая тяга у евреев к чистому синему цвету?

*Цвет небесный, синий цвет,
Полюбил я с юных лет.
С детства он мне означал
Синеву иных начал...*

Лишь недавно я понял, что слова "сапфир", название камня, и "сефер", которое на иврите означает "книга", первоначально имели одинаковый смысл. Дело в том, что "соферами" на иврите называли переписчиков Торы, то есть Книги. А первым переписчиком Книги как раз и был Моисей, который, утратив оригинал, записал второй экземпляр скрижалей. Писал же он, как мы знаем, на камне-сапфире. И слово "сапфир" – то, на чем писали Книгу – породило слово "сефер" – "книга", то есть то, что писали, и слово "софер" – "писатель", тот, кто писал.

Более того, все три слова – "свет", "книга" и "сапфир" – тесно связаны. Камень-сапфир Ноева Ковчега светил божественным светом. По представлениям древних евреев божественный свет был светом небес, сине-голубым. Тогда вполне вероятно, что Книга, написанная на сапфире, первая Книга, светилась синим цветом не в переносном, а в прямом смысле. Не исключено, что именно так возникли знакомые каждому школьнику выражения "свет знаний", "свет книги".

...Потихоньку заря занимается на востоке, и горы становятся сиренево-розовыми. Невероятная красота! Синайские горы сглажены сильнейшей эрозией. Они сложены в основном из красного гранита, который от дикого перепада температур крошится и принимает витиеватые округлые формы. Но какая мощь, какое величие! Наконец первый свет разливается над горизонтом и освещает Красное море, синее в лучах *Aurora Australis*. С грехами все в порядке, что будем дальше делать? Спешить не стоит – несмотря на усталость, раннее утро и выполненную задачу. Через 20-30 минут солнце набирает силу, и верхушки гор освещаются пронзительным желтым светом. Никог-



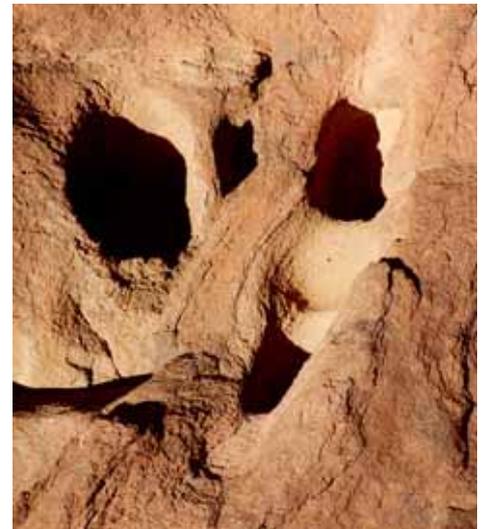


да и нигде я не видел такой насыщенности желтого. Солнце светит мощно, но практически под нулевым углом, и желтые его лучи стелятся по верхушкам гор, как будто прижимаясь и согревая их. Ну, вот и все, парад окончен, можно потихоньку вниз.

Моисей был странной фигурой в библейской истории. Фрейд считает, что был он египетским жрецом, иврита (или другого семитского языка) не знал и вовсе не заикался, а просто не умел говорить с евреями на их языке. В любом случае, его богатая биография полна вопросов. Видимо, где-то в районе горы Синай он бродил во время своих скитаний после убийства египтянина-надсмотрщика. Видимо, место это ему было хорошо знакомо, и потому сюда он и пришел поговорить о действительно важных делах. Видимо, все-таки за рассказом о Моисее стоят некоторые реальные события. Видимо-невидимо всех этих "видимо". Как бы там ни было, Моисей вывел евреев из Египта, из рабства, показал дорогу к правильной жизни. В этом смысле он такой архаический Ленин или Герцль, и имя его ассоциируется со свободой воли и вообще свободой. Интересная свобода! Ну, а не

сказали бы Моисею выходить из Египта? Так бы до сих пор и сидели в низовьях Нила рабами?

Спуск с горы Моисея много интереснее, чем подъем. Вместо обгаженного верблюдами долгого терренкура спускаться можно по потайной тропе, которая проходит через узкие боковые ущелья и выходит крутым сбросом прямо к Санта Катарине. Вся тропа сформирована могучими гранитными ступенями. Всего их больше 3000, от монастыря до вершины. Ступени где вырубил, а где выложили греческие монахи. Они же установили на тропе арки и небольшую часовенку. Весь этот труд совершенно сродни строительству пирамид, только место и цели другие. Спускаться по ней сложно, а подниматься – невозможно. Или вернее – НАМ сложно и НАМ невозможно. Вконец обессиленные обезвоживанием, жарой, после бессонной ночи, мы вдруг увидели, как кто-то несется вверх по скользкому граниту. Бедуин бежал, как горный козел – прыжками, почти не касаясь



поверхности камня. Интересно, если бы я родился бедуином под Санта Катариной – тоже так бы прыгал? Помню, как в одном из старых походов на Демерджи, в Крыму, где перепад высот был метров 800, мы шли наверх с языками набок, подыхая от усталости. Вдруг навстречу показался бородатый местный парень с немецкой овчаркой. Он увидел монументальный бюст нашей приятельницы и затормозил всеми четырьмя лапами. Вернее, овчарка тормознула лапами, а мужик тормознул мыслями. Больше он уже не мог отлепиться. "Подождите, – сказал он, – я вот только сбегая за пивом и вернусь, нагоню вас". "За пивом?! А куда?" "Да вниз, в поселок"...

Потайная тропа зажата с двух сторон гранитными скалами. Небо в свободном пространстве синее и чистое, над небом – бледная дневная луна. Формы гранитной эрозии превращают тропу в каменный зверинец, населенный обезьянами, собаками, овцами, людьми. Природа буйствует и резвится, как ребенок,

который уже может и хочет, но еще побаивается. Мгновение – несколько столетий, взрослые отвернулись – и можно шалить напропалую, превращая скалы в то, что видит наше воображение. Вот среди строгих и суровых форм гранита проступает каменная ухмылка. "Улыбайтесь и вы, господа, улыбайтесь!" – иначе будет немного страшно, может быть патетично, и наверняка – тоскливо.

Вдоль края тропы прилепились растения необычных темно-зеленых оттенков. У них острый мистический аромат, под стать змеиному цвету их глянцевых листьев. Тропа спускается вниз, а вниз не хочется, хочется еще бродить по горам. Но надо спешить, скоро ударит жара и проза жизни по-марксистски конкретно потребует: пить! пить! пить! – и в тень, и снова – пить, и спать, и отдохнуть, наконец, от горы и от мыслей.

Противоположности сходятся, и в ритмах Синайской пустыни звучит байкальская тема. Такая же мощь и удаль природы, те же бетховенские мотивы просторов, то же давление открытого пространства. Масштаб природы измеряется ветром: наверняка у бедуинов есть



какой-то свой баргузин, пошевеливающий песок по склонам дюн. Но на доступной части Синайская дюна немного, гораздо больше камня и плоского песка. Камни почти все "загорелые", покрытые темной плотной патиной, скрывающей истинный цвет породы под маской однообразия. Этот характерный налет так и называют – "загар пустыни". Красивое имя!

Сказали бы мне когда-то: вот два камня, они с Синай, посмотри на них – они загорели до черноты загаром пустыни... Я бы унес их в свою комнату, один положил бы на стол, второй под подушку, взял бы Буссенара в зеленом переплете, Грина бы стащил с полки, Лисс, Зурбаган... пески Калахари... Тогда все было по-другому, все как-то проще: недоступное – недоступным, романтическое – искренним, любимое – запретным.

Синайский загар морщинистый и жирноватый на ощупь, виноваты в нем пустынные "огонь, вода и медные трубы", а точнее – перепады температур, вода и окислы железа и марганца. Окислы окислами, но что-то есть в нем антропоморфное, будто лики камней стали похожи на лица бедуинов, а лица бедуинов на камень.

На самом деле такая схожесть камня и места – феномен, не имеющий разумного объяснения. Я много раз встречал камни, на разрезе которых угадываются застывшие пейзажи тех мест, в которых они были найдены. Северные тиманские агаты переполнены айсбергами и льдинами, на чукотских запечатлены все формы тундры, а чем дальше на юг, в Гоби, в Среднюю Азию, тем меньше в камнях холодных красок и больше пестроцветных среднеазиатских ковров. Это, конечно, удивительно и необъяснимо, но не более удивительно, чем схожесть, скажем, характеров собак и их хозяев. По сути дела, в этом есть глубокий символизм глобальной мимикрии человека под предметы обожания. А бедуины, без сомнения, любят свою кошмарную пустыню, и пустыня отвечает им взаимностью, доходящей до портретной схожести. Для них ее антиматерия – норма, а ее антимир – дом родной.

Дюны на Синае все-таки есть, и брат Ашрафа повел нас на одну из них. Средняя синайская дюна больше всего похожа на коммунизм – чем дальше идешь, тем меньше хочется к вершине, а наоборот, хочется лечь и пить все время, а потом, как водится, продолжить уже на четвереньках, но по избранному другими пути. С ее вершины открывается вид

на желтое плато, на розовые горы вдалеке, на бедуинских детей, что несутся к вершине продать фенечку-другую, на далекое прошлое и невероятное настоящее.

В Ниде, что на Куршской косе, тоже были огромные дюны, метров сорока высотой, наверное. Забираешься на них, зажмуриваешь глаза и сарделькой катишься вниз, икая от восторга. Синайский римейк Куршского оригинала носил название "35 лет спустя" или "А вы не псих?" Наверное, за эти годы в природе изменилось все, кроме закона всемирного тяготения. Поэтому садишься на



гребне дюны на пятую точку. Песок раскаленный, и надо что-то решать быстро, так как иначе можно поджарить не только свою филейную часть, но и приправу к ней. Чрезвычайно выносливые бедуинские дети с фенечками уже близко. Все, время "че": валишь тело на правый бок, зажмуриваешь глаза – и пошел, 60 метров вниз...

Кстати, о правом боку и правой ноге. Оказывается, Тора (или комментарии) с чисто женским упорством предписывает вставать с правой ноги. Вот откуда взялись все поговорки про "встать с левой ноги" – с Синая.

Между тем, скорость нарастает быстро, и вспоминается школьная байка: идет человек, потирает бок, говорит – хорошо, что пополам, хорошо, что пополам... – А что хорошо, что пополам? – Как что? Что "эм вз квадрат" пополам! Впрочем, гораздо актуальнее, что все же "вз" в квадрате, а не "эм"... Скорость нарастает, песок бьет в лицо, лезет за пазуху, мир крутится как дервиш: небо-горы-песок, небо-горы-песок, синее-коричневое-желтое, все быстрее и быстрее, все шальнее и шальнее: небо-горы-песок, вверх – синее, вниз – желтое, вверх – небо, вниз – песок... кто шагает дружно в ряд... левой, левой – но ведь левой-то нельзя... небо-горы-песок, небо-горы-песок, раскидываешь руки парашютом, ноги ножницами и понемногу перестаешь вращаться вокруг мира, только мир медленно крутится вокруг тебя.



Несколько позже понимаешь, что чертенята в глазах – это бедуинские дети, они все же настигли и предлагают купить бисерные фенечки. А что – если уж впадать в детство, то по полной программе. Сколько стоят эти цветастые наручники? Фунт?! Где же жена с кошельком?..

Недалеко от этой дюны нас однажды подбил египетский военный грузовик. Дело в том, что на Синае очень легко оказаться между Сциллой восторженности и Харибдой расслабленности. От этих двух зверей экзальтирован-

ные души воспаряют ввысь, а приземленные приземляются. В любом случае бдительность теряется. Зато жизненный опыт – приобретается.

На безлюдном шоссе здоровенный военный грузовик с такой силой прижался своей наружной втулкой к нашей "Daewoo", как будто хотел произвести на свет много маленьких военных грузовичков. По телевизору однажды показывали сексуальные домогательства бизонов – наш случай был явно круче. "Daewoo" лишь сдавленно крякнула и лишилась всех левых дверей. Похожий результат бывает, когда открывают консервным ножом банку сардин, с той лишь разницей, что сардины не матерятся, а консервный нож не молится на арабском. Из кабины грузовика выскочила кучка египетских салаг-первогодков с выражением ужаса на всем теле, от ботинок до переносицы. Выковыряв меня из машины отверткой, они осознали, что я стою на своих двоих и ругаюсь. На радостях солдаты плюхнулись на колени и,

попеременно обращая к небу то попу, то голову, стали истово молиться. Дочка подошла и спросила: "Папа, а почему ты орешь на них по-английски? Разве они его понимают?!"

Ну, что сказать – она была, конечно, права. Но за границей как-то полагается говорить на заграничном языке. Однажды к нашему приятелю в Лозанне подошел негр и по-русски спросил, где здесь Женевское озеро. "Откуда Вы знаете, что я русский?" – изумился приятель. "Да я понятия не имел, что Вы русский, я просто учился в Москве, и это единственный иностранный язык, который я знаю. Здесь же за граница для меня, вот я и спросил на русском".

Ругаться по-английски с русскими интонациями, да с окровавленной мордой, да посреди пустыни – это очень тонко. Это все равно как бокал легкого белого вина украсить долькой розового грейпфрута...

Но все кончается, закончили и солдаты молитвы. На языке жестов мы принялись им объяснять, что хотим полицию, протокол, помощь и прочие аксессуары аварии. Солдаты покивали головами, сели в грузовик, мы – в нашу машину, которая неожиданно стала кабриолетом, и поехали вместе на берег Красного моря, в Нувейбу.



В сущности – все было хорошо, никого не покалечили до членовредительства, шоссе рассекает пустыню как сталь ножа желтизну сыра, машина, хоть и выглядит драной кошкой, но едет резво, кругом сплошное благолепие. В Нувейбе я был всего один раз, плавал с беременной дельфинихой. Шкура у нее как наждак, морда усталая, быть дельфиньим акушером не хотелось – вот и все знакомство с Нувейбой. Сейчас приедем в Нувейбу... Неожиданно грузовик газанул, развернулся и понесся под прямым углом, прямо по целине, в пустыню. Что делать, поехали в Нувейбу одни.

В полицейском участке сидит белозубый офицер шоколадного цвета, чувствуется – из материкового Египта. Вот, изуродовали машину, говорим. – А кто? – Да грузовик военный, здоровый такой, весь пятнистый, с большими колесами... – А номер запомнили?

А мы – запомнили! Цифр арабских в арабском мире нет никаких, а есть какие-то гвоздики, похожие на сусликов перед норкой, но мы их старательно срисовали и сейчас продемонстрировали офицеру.



От неожиданности тот заговорил на хорошем английском.

"Вы хотите, чтобы мы их арестовали?" – спросил офицер. Я задумался и, как настоящий еврей, ответил вопросом на вопрос: "А зачем?" "Ну, мы расследуем инцидент, будем их судить..." "Нет-нет, вот этого не надо, никаких судов." Лицо офицера просветлело: "Ну, тогда все проще. А что вы сейчас хотите?" "Прежде всего, хотелось бы немного *take a rest*" – отдохнуть, значит. "Арест??? О-о, это можно устроить", – с широкой улыбкой сказал офицер, и усталость как рукой сняло. Интересный, кста-

ти, способ отдыха, быстрый и эффективный... "Нет-нет, просто *a rest*, отдохнуть немного". "Так отдыхайте, сейчас напишем протокол, когда вернется начальник – заверим его, отнесете его в Тель-Авиве в египетское посольство, там выплатят компенсацию". "А где начальник, он скоро вернется?" "Скоро, скоро, он сейчас напротив, в Саудовской Аравии, но обещал вернуться ближайшим пароходом". В Саудовской Аравии? В принципе – нормально, не в Китае и не в Антарктиде, но все-таки нам пять-шесть часов не выдержать. "Отдыхайте-отдыхайте, почувствуйте себя у нас в участке как дома, пять-шесть часов – и протокол будет готов. Да, кстати, без него вас через границу не пропустят". Вот зараза – но сдвинуть ничего нельзя, все учтено могучим ураганом...

Сели, ждем, появился начальник – округлый как колобок, похожий на кеглю и на шар одновременно. Он подмахнул царственной рукой подпись и прочел текст по-английски: настоящая бумага составлена в Нувейбе и сообщает о том, что Евгений ибн Борис... ну, и дальше о жизни, а в конце немного про машину и про Аллаха. Классная бумага, где-то она у меня до сих пор лежит. Все, как у Визбора: машины той уже давно нет, солдаты наверняка уже дембели, воды утекло море, а бумага все лежит, в посольство я ее так и не сдал, пусть будет как в сказках "Тысячи и одной ночи" – Евгений ибн Борис, владелец машины "Daewoo", израильтянин...



Есть на Синае одно совершенно особенное место – Нумейдис. Впрочем, может быть оно называется и не так, я просто не помню, но Нумейдис звучит красиво, что-то в нем есть от Нубии, и Нумидии, и еще от каких-то пряных, звонких географических названий. Находится оно недалеко от шоссе на Санта Катарину, туда несложно добраться на обычной машине. Я даже и не знаю, как правильно назвать это место. Город не город, поселок не поселок, так – нечто из прошлого, артефакт. Посреди пустыни стоит десяток круглых башен из камня. В них, возможно, останавливались паломники из Северной Африки, шедшие на хадж в Мекку и Медину – кто знает? Теперь ничего такого нет, пустыня, руины, ветер. Ночью, наверное, приходят шакалы, улюлюкают, переговариваются. Или для шакалов здесь слишком жарко и слишком голодно? Может быть, змеи – они любят то, что оставили люди. А может быть, встает полная луна и тени караванов заполняют перспективу призрачных гор...

Последнее – вряд ли, разве что под кальян с травкой. Но запах загадки ощутимо разносится над каменными башнями. Люди здесь определенно боялись. В этих домах все гото-

во для обороны и ничего – для жизни. Рядом нет ни воды, ни оазисов. Постоялый двор для фанатиков навеивает мрачные мысли. Камни сцепились мертвой хваткой, как будто цемент общей воли скрепляет их сильнее песка, извести, гравия.

Все-таки оказалось, что память меня подвела. Правильное название места – "nawamis", и не место это вовсе, а, скорее, название для странных неолитических конструкций, которые встречаются на Синае. Кто их построил, какой народ, когда – неизвестно. Так и стоят эти ровесники дольменов и менгиров девст-



венно непознанными. Возможно, паломники в Мекку действительно останавливались здесь. Но где их следы?!

В пустыне, как в тундре, почти нет культурного слоя. Где черепки, где кости, где кладбища, где хоть что-то? Ничего не видно, лишь камень, и пыль, и солнце. Для кого-то это был родной дом, где звучала музыка и пекли хлеб. Интересно, какая музыка звучала здесь? Ведь без нее так трудно дать волю воображению...

Я смотрел на горы и вспоминал Окуджаву:

*А музыкант играет вальс,
И он не видит ничего,
Он стоит, к стволу березовому
Прислонясь плечами.*

В этих строках все родное и точное, и щемит – как зубы ломит от колодезной воды. И вальс, и береза, и тоска, и интеллигентская отрешенность, и поза, и ритм, и – вечность, черт побери, вечность...

Может быть, сейчас зазвучит музыка, и самоидентификация произойдет легко и непринужденно, без всяких витиеватых галахических законов.

Я прислушался. Ветер пел какие-то чужие мотивы. Ни Булата Шалвовича, ни "Тум-балалайки". Что-то восточное, чужое и холодное. Видно, генетическая память поколений не уходит так глубоко... или кто-то когда-то согрешил не там или не с тем... или просто нет музыкального слуха... "И прервалась связь времен..."

Прервалась – так прервалась, будем проще. Как здесь все-таки невероятно красиво!



